

Подставив спину ледяным порывам ветра Погоста, стоя на вершине Храма Драконьего Покоя, Малигос поочередно всматривался в лица сестер, матерей красной и зеленой стаи. Они были задумчивы и вот, уже несколько часов с момента общей встречи в крепости ордена, не проронили и слова.

Аспект Магии и сам предавался размышлениям. Своим бессмертием гости из другого мира до боли, почти физической, напомнили ему о демонах. О вторжении и предательстве друга. Не кровного брата, но брата по духу.

Нанесенная в тот день рана так и не зажила. О, нет, она загноилась. Разум великого дракона так и не справился с потрясением. Не смог оправиться. В нем роились и зарождались самые разные мысли и идеи, порой, сильно пугающие самого владельца дум.

Только затворничество и постоянный сон, помогали лазурному левиафану справляться с самим собой. Не давать выхода наружу новообретенной, озлобленной стороне себя. Теперь же, с приходом бодрствования, ему стало еще сложнее.

На язык, вперед ума, вырывались резкие высказывания. Порой, что ему было не свойственно, глава синей стаи действовал порывисто, импульсивно.

Первые лучи солнца робко пробрались под крышу Храма, яркими отблесками заиграв на украшениях дракониц. Начался рассвет.

- Хватит уже. – Малигос нарушил тишину. Он знал себя, знал своих спутниц. Понимал, что так они могут и несколько дней провести. – У нас не так много времени, как прежде.

- Да, ты прав. – Оторопело кивнув, Алекстраза перевела взгляд на друга. – Я взволновалась, извини. Ноздору оказался прав.

- Он поделился с тобой мудростью будущего? – Аспект Магии нахмурил брови. – На него непохоже.

- Предупредил и высказал облегчение. – Королева драконов посмотрела на мигом заинтересовавшуюся сестру, следом изобразив на лице толику растерянности. – Появление Алголона и ордена стало для него потрясением. Раньше их не существовало в будущем Азерота. Они породили новые разветвления времени, новые возможности, которые Ноздорму еще не успел постичь до конца. Но уже увиденное позволило ему... испытывать меньше волнений и сомнений.

- В чем его предупреждение? – Изера изогнула бровь, не открывая глаз, и положила руки на бедра. – Нам следовало бы прислушаться ко взгляду из грядущего.

- Орден Драконьей Крови не представляет опасности для стай. – Хранительница Жизни поджала губы. – Они охотятся на драконов, имеют в этом... незаурядный опыт. Но нас трогать не станут. Прямо, как мне и говорил Алголон.

- В чем кроется твоя тревога? – Спящая коснулась плеча сестры, немного наклонившись вперед.

- Существует большая вероятность... нашего истребления. – Алекстраза выдохнула, с трудом произнося слова. Держать их в себе, мириться с возможным будущим, было гораздо легче одной, нежели делиться этим с остальными. – Искоренение начнется с синей стаи.

- Причина? – Лазурный левиафан, и без того пребывавший в далеко не благодушно настроении, разом помрачнел, напрягся.

- Ты сойдешь с ума и объявишь охоту на всех магов. Начнешь нападать на мою стаю и порабощать дракониц, чтобы быстрее восстановить свой род. – Хранительница Жизни и сама помрачнела. – Следом за тобой, конец достигнет и остальные стаи. Во избежание.

- Такие мысли действительно посещали меня. – Честно признался глава синего рода. – Неумелое использование магии привлекает Пылающий Легион. Полное истребление человеческих магов способно сильно уменьшить число проникающих на Азерот демонов.

- Откажись от этих идей. – Настояла королева драконов, став необычайно твердой, что ей не присуще.

- Сначала договори. – Настоял Аспект Магии. – Ноздорму не мог этим ограничиться. Сохранение Азерота волнует его не меньше нас.

- Без нас мир продолжит существовать. Обретет новых стражей. Орден сильно возвысится на наших костях.

- Выходит, мы не нужны Азероту? – Изера приоткрыла глаза, выражая таким образом глубину потрясения.

- Нужны. – Алекстраза, наоборот, глаза закрыла, делая глубокий вдох. – Просто... необязательны.

- Пока кто-то из нас не сойдет со своего пути, нашим стаям ничего не угрожает. – Малигос сделал вывод и сложил руки на груди. – Выходит, у Стража хватит сил, чтобы совладать с Аспектами.

- Более чем. – Согласилась Хранительница Жизни, осмотрев своих собеседников. – Я видела его истинный облик и испугалась, с первого взгляда спутав с Нелтарионом. Но даже наш старый друг меньше размером и не создает столь же гнетущего ощущения.

- Он не показался мне злобным или опасным. – Поделилась Спящая. – Кажется, Аспект Огня даже проявил ко мне интерес, хотя был раздражен.

- Свет тяготеет к Алгонону. Я много с ним общалась и проводила времени, он помогал моей стае искать и уничтожать саронит на поверхности. Именно он заподозрил неладное и указал на то, чего я раньше не замечала. – Королева драконов поджала губы. – Страж с радостью оградит желающих своей защитой, он не опасен для Азерота. Хотя и сам является драконом, от нас ждет подлости, потому что иного никогда не видел.

- Мы такие же стражи этого мира, каким пытается стать он. – Изера покосилась на Малигоса.

- Я не стану охотиться на магов, не волнуйся. – Произнес лазурный левиафан. – Какой бы заманчивой не казалась эта идея, она принесет разруху и ничего более. Мне еще хватает здравомыслия, чтобы это понять. И есть причина, чтобы жить дальше.

Кладка, возвращенная Алекстразой, вдохнула в главу синей стаи второе дыхание. Наследие погибшей супруги стало фундаментом, на который он смог опереться, чтобы еще глубже не провалиться в болото назревающего безумия.

- А про... него... Ноздорму ничего не сказал? – Аспект Магии сжал кулаки, еле сдерживая нахлынувший гнев и застарелое разочарование. Имя предателя он так и не смог произнести.

Злость и сжигающая изнутри жажда мести, были тем, что не позволяло Малигосу сойти с ума от горя, последние десять тысяч лет. Но он не мог их реализовать. Тварь, в которую превратился Аспект Земли, попросту превосходила его в силе. А куцые остатки от стаи, проигрывали даже находящимся на грани вымирания детям своего отца.

- Нет. – Алекстраза медленно покачала головой. В ее взгляде отчетливо читались печаль и сострадание.

- Что же... – Глаза Аспекта Магии загорелись лазурным огнем. – Прошло время страха, пора прекратить прятаться и дрожать. У нас есть союзник, достаточно сильный. Осталось указать ему в нужную сторону.

- Твой род почти пресекся, Малигос. – Королева драконов говорила тихо. – Я еще раз предлагаю тебе свою помощь.

- Я и сам хотел попросить. – Лазурный левиафан с готовностью согласился. – Вскоре в одном месте соберется почти все, что осталось от моей стаи. Прошу, дай им свое благословение, Хранительница Жизни.

- С радостью. – Полуобнаженная эльфийка нежно улыбнулась. – Мы допустили раскол, чем взаимно ослабили наши стаи. Нам следовало сплотить и помогать друг другу.

- Вместе мы могли отбивать нападки черной стаи гораздо проще, с меньшими потерями. – Высказалась Аспект Сна. – Однажды Крыло Смерти уничтожил мою кладку. Вчетвером, нам по силам его отгонять.

- Да, мы могли полностью их истребить. – Кривая усмешка исказила лицо Малигоса. – Никто из нас не делал шагов навстречу, до недавнего времени, поэтому не вижу смысла продолжать тему. Сейчас стаи снова вместе. – Он развел руки. – И мы снова пытаемся помочь нашему миру, а не прозябаем, забившись от страха в логова.

...

Обсидиановую кожу Торгрима, более чем старого дварфа, покрывали редкие рыжие прожилки. Сейчас они наливались все большим жаром, заставляя воздух вокруг него дрожать. Борода воина и волосы перестали выглядеть опрятно, обернувшись дикими языками огня.

Тяжелой поступью некогда белобородый старик, до прохождения ритуала слияния с элементом, шагал по самой глубокой галерее титановой шахты, отданной на откуп роющему голему. Машина, оказавшаяся способной заменить собой труд более чем сотни проходчиков, остановилась навсегда. Корпус и гусеницы были сильно повреждены, оплавлены чем-то едким и покрыты сгустками паутины. Виднелись следы ударов, рассекавшие металл.

Вокруг дварфа, подвластные его воле, не заклинанию, вились яркие шары огня, испускавшие больше света, нежели тепла, давая ему ясно видеть во мраке. И чем сильнее росло его недовольство, чем больше распялялось воистину пламенное сердце, тем больше становилась температура сфер.

Когда Торгрим добрался до провала, откуда пришло ненастье, под его ногами уже начинал плавиться камень. Паутина, обильно покрывавшая все вокруг, и вовсе горела, распространяя

едкий дым.

Угрюмо глядя в темный провал, откуда пришли подземные соседи, воин постепенно закипал. Он чувствовал себя оскорбленным, словно ему плюнули в лицо и ушли безнаказанными. Ведь жуки нагрянули совершенно неожиданно, именно когда он, ответственный за охрану самой богатой, глубокой части шахты, отвлекся. Поднялся к братьям намахнуть грибного самогона.

Но, что более важно, на месте голема могли оказаться обычные, незащитные шахтеры. Самые молодые из клана, еще не обученные стоять плечом к плечу. Одна мысль об утрате их жизней, по его, Торгрима, глупости, вводила старика в иступление.

Обсидиановая кожа, на непокрытой груди, приобрела легкий малиновый оттенок. Из прожилок вырывались языки огня. Края тоннеля текли, став невольными жертвами гнева огнеборода.

А вот элементы брони, набедренники, широкий пояс, частично закрывавший живот, и тяжелые сапоги, коими в пору драконам зубы вышибать, никак не страдали. Массивные наручи и перчатки, инкрустированные рубинами, вовсе обрели едва заметный ореол, частично аккумулируя в себе температуру.

Крепче сжав рукоять верного молота, дварф шагнул в прорытый жуками ход. Его распирало изнутри от жажды мести и еще большего чувства вины. Из залитых огнем глаз, прямо как у главы клана, вырывались протуберанцы, красноречиво выражая внутренний настрой.

Быстро добравшись до завала, Торгрим встал перед камнями, не в силах поверить увиденному. Со всяким старому воину приходилось сталкиваться за свою долгую жизнь. Он бился со всевозможными чудовищами. Десятки раз отстаивал дом и честь клана. Побеждал и не единожды был побежден любителями скрытности, ударов в спину. Но настолько презренной трусости до селе еще никогда не встречал.

Огнебород мог понять, почему враги дождались, пока он не уйдет. Мог смириться с их нежеланием биться с ним лицом к лицу. В конце концов, они не достойные воины, живущие по заветам чести. А военной хитрости всегда есть место, особенно в подземельях. Этим и клан Драконьей Пасти пользовался не единожды.

Но вот завала Торгрим понять не мог, как и смириться с ним. Сначала он принял оставленный проход за приглашение, вызов. Ловушку. И был готов броситься в нее с головой. Однако, столкнувшись с преградой, дварф испытал глубокое разочарование. Понял, что биться с ним, даже нечестно, никто не хотел.

В ярости он призвал к своей огненной природе, вспыхнул еще ярче, еще жарче. Четыре сферы, летавшие над головой огнеборода, устремились к занесенному для удара молоту. Закружив вокруг него хоровод, за доли секунды ужимаясь и белея, они проникли внутрь.

Вспыхнувшее оружие тут же обрушилось вниз, на завал. Удар расколол несколько камней, породив мощную волну жара. Стены оплавилась, окрасившись в темно-красные тона. Порода вязко потекла к ногам дварфа.

Груда камней таяла, как крупы сахара в кипятке.

Набычившись, Торгрим упертым щитомордом попер вперед, безбоязненно шагая по магме. Следом за ним, увлеченная разъяренным сознанием, стекалась расплавленная масса.

Пробившись сквозь еще несколько завалов, попутно уничтожив множество ловушек, старик

вышел на распутье. Магма потоком выплеснулась вперед него, растекаясь в стороны, затекая в соседние ходы и отбрасывая тусклый свет на темные своды. Весь ее объем был ему не подвластен.

Осмотревшись, дварф свернул направо, без тени сомнения выбрав направление. Он чувствовал тепло, исходящее с той стороны. Огненную магию, столь ему близкую, ставшую по-настоящему родственной.

Вскоре, пройдя не больше километра по петляющему тоннелю, Торгрим добрался до цели, выйдя в пещеру. Стоя на уступе, он смотрел на окраину раскинувшегося впереди городка. В самом его центре, на просторной площади, возвышался гигантский обелиск, без труда видимый издали. Бледным светом на нем горело множество рун, а на вершине сиял, переполненный магической силой, огромный драгоценный камень.

Различные части города, порой и отдельные постройки, связывали мосты их паутины, переплетенной в канаты. Тончайшая вязь покрывала каждую рукотворную поверхность подземного города. Паутина играла роль жил, по которым текла мана прямиком от центрального обелиска. В некоторых местах, в нее были вплетены драгоценные камни, что и привели старого дварфа в обитель насекомых. На них лежали чары, распространяющие тепло.

Тяжелый взор Торгрима опустился ниже, к плетенному мосту. Единственному пути, ведущему от его уступа к городу. На другом конце переправы через пропасть располагалась широкая, круглая площадка. На ней стояла стража. Четверо паукообразных созданий с восемью конечностями, шестью ногами и парой рук, заканчивавшихся похожими на щипцы отростками. В лапах они держали длинные глефы. Ростом нерубы воины достигали трех с половиной метров.

Заметив направленное на него оружие, огнебород воздел над головой молот и издал воинственный клич, эхом прокатившийся по пещере. Как следует разбежавшись, он прыгнул вперед, оттолкнувшись от скалы могучими ногами. Те немногие потоки расплавленного камня, что воитель мог себе подчинить, потянулись за ним.

Глефы чиркнули по широкому поясу и груди старого дварфа, оставив легкие царапины. Совершенно не обратив на это внимание, он от души, еще находясь в воздухе, замахнулся и вбил молот в морду ближайшего неруба. Голова его, не выдержав столкновения с бойком, расплющилась в месте удара, брызнув густой зеленой лимфой.

Магма захлестнула оставшихся троих, обжигая их верхние части тел, отдаленно похожие на гуманоидные. От болевого шока их оружие, звеня о камень, выпадало из рук. В тщетных попытках нерубы хватались за головы, пытаясь смахнуть, убрать облепившую их магму. Да только обжигали хитин лап.

Утвердившись на ногах, Торгрим полыхнул огнем из глаз и прошел несколько десятков шагов вперед, прежде чем остановил у края площадки. Закинув молот на плечо, он остановился, глядя на город впереди. По улицам к нему уже спешили другие паукообразные.

Магма, отлепляясь от умерших тел, собиралась в капли за спиной огнеборода, ни на градус не остыв.

Воин славного клана Драконьей Пасти не собирался более двигаться дальше. Он собирался принять бой за городской чертой, на посту стражи. И отдать свою жизнь, если среди врагов найдется кто-то достаточно умелый.

Торгрим совсем не мог различать нерубов между собой, а от того опасался идти в их город. Опасался случайно, в запале битвы, убить постороннего, мирного жителя. Поэтому, сражаться планировал лишь с теми, кто сам к нему придет с оружием. Либо магией.

С каждой секундой пламенное сердце старого дварфа билось все быстрее, предвкушая славную битву. Расплату. Из груди снова рвался крик. А весь свой жар он начал сознательно скапливать в перчатках и наручах, излишек направляя вверх, не позволяя ему распространяться аурой вокруг. Старик не хотел, чтобы под ним начала плавиться площадка. Он планировал пасть в бою, а не свалиться в расщелину.

<http://tl.rulate.ru/book/96093/4227629>